

Эммануэль-Жозеф Сийес

ЧТО ТАКОЕ ТРЕТЬЕ СОСЛОВИЕ?

Воспроизведено по изданию 1906, Петербург, «Голосъ»
(орфография изменена)

Приведено по:

Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту /

Состав., пер., вступ. ст. М.Б.Певзнера.

СПб.: Алетейя, 2003. 224 с.; илл.

(Серия «Миф, религия, культура»)

Веб-публикация: Марта, Люсиль, Э.Пашковский, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Знаменитая брошюра Сийеса «*Qu'est ce que le tiers etat*», перевод которой предлагается вниманию читателя, появилась в свет в январе 1789 года и сразу произвела колоссальное впечатление. Какая этому причина? Необыкновенная глубина мысли автора? Его блестящий литературный талант? Существовавшая уже и до появления брошюры широкая популярность имени Сийеса? Ни то, ни другое и ни третье. Прочитывая брошюру Сийеса, читатель не почувствует над собою парения мысли гения, не будет он и зачарован тою особою силою, которая всегда находится в обладании великих художников слова. Что же касается популярности Сийеса, то, хотя он, бесспорно, обладал ею в некоторых местах в провинции (в особенности, в Орлеане) и до 1789 года, но популярность его выросла до размеров всенародных, - всенародных в том, разумеется, смысле, в котором выражение это только и может быть употребляемо, когда речь идет о стране, населенной народом в массе своей неграмотным, а такова именно была дореволюционная Франция, - благодаря брошюре «Что такое третье сословие». В чем же секрет, в чем разгадка громадного успеха произведения Сийеса? Ответ ясен: Сийес сжато и ясно формулировал то, что было, так сказать, разлито во всей Франции и составляло характерную черту предреволюционной эпохи: желание «третьего сословия» выйти из того униженного положения, в котором находилось оно при старом режиме, и осознание этим сословием - буржуазией - своего значения в государственной и общественной жизни Франции. В самом деле, разве первые два сословия - духовенство и дворянство - не были уже в конце XVIII века абсолютными паразитами на народном организме? Разве могло быть сомнение в глазах буржуазии, что именно она является, так сказать, творцом жизни, что в процессе производства материальных и духовных благ ей принадлежит все и вся, что без ее капитала знаний, талантов, энергии Франция никогда не могла бы играть той роли, которую так бесцеремонно приписывали мудрости своего управления ее короли, своим заслугам перед Богом - духовенство и уж совершенно неизвестно перед кем - дворянство. Правда, при своем гордом анализе собственного значения в экономической

жизни страны буржуазия просмотрела рабочий класс, т. е. истинного производителя всех ценностей, но это уже была не ошибка ее и не нарочитое закрывание глаз на истину, а результат состояния научной мысли в ту эпоху. Обвинять ее за это - все равно что порицать Кювье за то, что он не был знаком с теорией Дарвина.

При таком-то состоянии общественной атмосферы появляется брошюра, в которой на вопрос «что такое третье сословие?» ее автор без всяких оговорок гордо отвечает: всё!

На второй вопрос: чем было это сословие до сих пор (т.е. до 1789 года) в политическом отношении, тот же страшный по своей резкой отчетливости ответ: ничем! Представьте же себе впечатление от таких строк: многие тысячи и тысячи людей и сами были близки к подобным же мыслям, - на них наталкивала вся повседневная действительность, - и вдруг они читают формулировку всего ими самими продуманного, прочувствованного, часто выстраданного в таких решительных, в таких категорических выражениях!

Мы - всё, а были мы в целом ряде поколений в политическом отношении - ничем!.. Одного сопоставления этих «всё» и «ничего», одного взгляда в ту зияющую бездну, которая лежит между тем и другим, было достаточно для целого вихря определенных мыслей, эмоций, настроений...

Чем желает быть третье сословие? - ставит Сийес третий вопрос и отвечает на него весьма скромно: «чем-нибудь». Но в стране, где духовенство и дворянство вместе взятые составляли и численно-то менее 200000 человек, а буржуазия, которая, отождествляя себя со всем остальным «народом» и олицетворяя собою поэтому самое понятие «нации», исчисляла себя десятками миллионов, в такой стране и при таких обстоятельствах, - говорим мы, - это скромное «чем-нибудь» должно было в самом процессе борьбы измениться весьма решительно и замениться желанием быть «всем». Так оно и случилось.

Едва, однако, осуществилось в полной мере стремление буржуазии стать в государственной и общественной жизни Франции на место первых двух сословий, едва исчезли сословные перегородки, заменившись юридическим равенством всех граждан, как пали иллюзии благостности для всех знаменитой формулы *laissez faire, laissez passer*, обнаружались новые перегородки, но уже не вертикальные, а горизонтальные, вскрылась явственно классовая структура нового общества, и на историческую сцену выступил новый общественный класс - класс рабочих. Этот класс стал предъявлять буржуазии к уплате те самые исторические векселя, которые третье сословие предъявило в свое время сословиям «благородным». Борьба рабочего класса с буржуазией наложила свою печать на всю историю XIX века, и пролетарский Сийес нашего времени мог бы повторить применительно к четвертому сословию вопросы и ответы Сийеса исторического, а в странах с широко развитой промышленностью и высоким уровнем самоосознания пролетариата даже и получить фактическое оправдание правильности поставленного диагноза. Именно в направлении такого «оправдания» течет, без сомнения, вся социально-политическая жизнь стран с широко развитыми капиталистическими отношениями, но, конечно, далеко еще не все страны

могут претендовать на полную применимость такой презумпции в качестве не подлежащего сомнению факта.

Брошюра Сийеса имеет и в настоящее время не один только исторический интерес: она наводит на многие вопросы, имеющие непосредственное отношение к современности, и читатель, который ознакомится с этой брошюрой, проведет время далеко не бесполезно.

В. Богучарский (1906)

[Все материалы о Сийесе на наших сайтах:
http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#si](http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#si)

ЧТО ТАКОЕ ТРЕТЬЕ СОСЛОВИЕ

«Пока мыслитель-теоретик не выходит из границ истины, его нельзя обвинять в слишком смелых выводах. Его дело - указать конечную цель и дойти до нее. Если же он останавливается на пути, то его призыв не заслуживает доверия. Обязанность практического деятеля, наоборот, сообразоваться с существующими условиями. Философ, не доведший своих рассуждений до конца, еще не знает, где он находится; администратор, не предвидящий результатов своих мер, не знает, куда он идет».

План настоящей брошюры очень прост: поставить три вопроса и ответить на них:

- 1) Что такое третье сословие? - Все.
- 2) Чем оно было до сих пор в политическом отношении? - Ничем.
- 3) Чем оно желает быть? - Чем-нибудь.

Из последующего читатель увидит, что ответы даны правильно. Затем мы рассмотрим попытки, которые были сделаны, а равно и меры, которые нужно принять, для того чтобы третье сословие действительно стало чем-нибудь. Согласно с этим, изложение содержит еще три главы:

- 1) Что правительство пыталось сделать и что привилегированные предлагают от себя в пользу третьего сословия?
- 2) Что следовало делать?
- 3) Наконец, что остается предпринять третьему сословию, чтобы занять в государстве должное место?

I. Третье сословие - целая нация

Что требуется для существования и процветания нации? Частный труд и общественная деятельность.

Все виды частного труда делятся на четыре разряда:

1) Так как земля и вода доставляют все первоначальные продукты, идущие на человеческие потребности, то к первому разряду относятся сельскохозяйственные работы.

2) Между получением сырых продуктов и их потреблением или применением появляется заделная работа, разнообразная обработка, прибавляющая к ним добавочную, более или менее сложную ценность. Человеческое искусство улучшает дары природы, увеличивая стоимость сырья в десять и во сто раз. В этом заключается труд второго разряда.

3) Между производством и потреблением, а равно, между различными стадиями производства устанавливается группа агентов-посредников, полезных как для производителей, так и для потребителей. Это - купцы, удовлетворяющие спрос на товары, возникающий в разных местах и в разное время, спекулирующие на прибыли от сохранения и перевозки товаров, занимающиеся их сбытом оптом и в розницу. Это третий вид полезной деятельности.

4) Помимо перечисленных трех разрядов трудящихся и полезных граждан, занятых приготовлением предметов потребления и пользования, в человеческом обществе существует еще много других видов труда, полезных и приятных опосредованно. Этот разряд обнимает ученые и свободные профессии, начиная от самых почетных и кончая домашнею прислугой.

Таковы четыре разряда частного труда, на которых держится общество. Кто их доставляет? Третье сословие.

Общественную деятельность в современном государстве также можно было бы разбить на четыре разряда: военное дело, суд, церковь и администрация. Нет нужды останавливаться на них подробно, чтобы показать, что третье сословие выполняет девятнадцать двадцатых этой деятельности с той лишь особенностью, что на него возложено все, что есть в ней самого трудного и от чего отказывается привилегированное сословие. Одни только доходные и почетные места заняты членами привилегированного сословия. Должны ли мы ставить им это в заслугу? Разве третье сословие отказывается от этих мест или неспособно занимать их? Ответ ясен сам собою; однако властвующая партия осмелилась наложить запрет на эти должности для третьего сословия. Ему заявили: «каковы бы ни были твои заслуги и таланты, ты дойдешь только вот до этого пункта; за него не перешагнешь. Почетные должности существуют не для тебя». Редкие исключения из этого

правила, если их понять как следует, служат только насмешкой; а выражения, которыми позволяют себе объяснять подобные исключительные случаи, прямо оскорбительны. Но, может быть, ограничение третьего сословия в правах, составляющее социальное преступление, - против него, по крайней мере, - полезно для общественного дела? Как, разве неизвестны результаты монополизации? Исключительные права, лишая энергии устранившихся, делают бездеятельными тех, в пользу которых установлены. Разве неизвестно, что всякое дело, из которого исключена свободная конкуренция, выполняется и дороже, и хуже.

Когда отдают какую-нибудь общественную должность в удел одной корпорации граждан, то приходится вознаграждать не только то лицо, которое выполняет ее, но и всю группу людей, входящих в корпорацию, которые уже ничего не делают, а равно и их семьи. Обратили ли вы внимание на то, что такой порядок вещей, позорно сохраняемый среди нас, кажется нам презренным и постыдным в истории древнего Египта и в описаниях путешествий по Великой Индии? Не вдаваясь в дальнейшие подробности по этому вопросу, отметим лишь нелогичность тех, кто признает, что нация создана не для своего вождя, и вместе с тем допускает, что она существует для небольшого числа граждан, надменно отказывающихся принимать участие в полезных, но тяжелых трудах, выпадающих на долю остальных членов общества. Подобный класс людей составляет непосильное бремя для народа.

Пресловутая польза привилегированного сословия для государства - одна лишь химера; и без него все трудное в общественной службе выполняется третьим сословием; если бы не оно, все высшие посты были бы заняты несравненно более годными людьми и служили бы естественным вознаграждением за талант и признанные заслуги. Захват привилегированными всех доходных и почетных должностей - не что иное, как возмутительная несправедливость по отношению к остальным гражданам и измена общественному делу. Кто посмел бы сказать, что третье сословие не заключает в себе всего, что нужно для образования целой нации? Это здоровый и сильный человек, у которого одна рука еще закована. Устраните привилегированное сословие - и нация не только ничего не потеряет, она еще и выиграет.

Итак, что такое третье сословие? Вся нация, но нация в оковах и под гнетом. Чем оно было бы без привилегированных? Всей нацией, но нацией свободной и цветущей. Нет государственной жизни без третьего сословия, и все было бы гораздо лучше без остальных сословий. Недостаточно показать, что привилегированные не только не приносят пользы народу, но ослабляют его и вредят ему; необходимо доказать,

что знать вовсе не входит в состав общественной организации и что она может лишь быть бременем для нации.

Прежде всего заметим, что нельзя найти места для касты знатных среди составных частей нации. Конечно, есть и отдельные люди, которых болезнь, крайняя ограниченность, неизлечимая лень или дурной нрав делают неспособными к общественной работе. Исключения и злоупотребления всегда возможны, особенно в большом государстве. Но каждый согласится, что государство тем благоустроеннее, чем меньше таких злоупотреблений. Наименее благоустроенной надо признать ту страну, в которой не отдельные лица, но и целый класс граждан видит свою славу в том, чтобы оставаться бездеятельным среди всеобщего движения и получать лучшую долю жатвы, ничем не содействуя ее произрастанию. Тунеядство этого класса общества делает его чуждым остальной нации. Знатное сословие не менее чуждо нам своими привилегиями гражданскими и общественными.

В самом деле, что такое нация? Общество людей, живущих под общим законом и представленных одним законодательным учреждением. Между тем знатное сословие имеет прерогативы, изъятия, даже законы, отдельные от законов всей корпорации граждан. Оно стоит вне общего порядка и общего закона. Его гражданские права делают его отдельным народом среди всей нации. Оно - настоящее государство в государстве.

Что касается политических прав, то и ими дворянство пользуется совершенно самостоятельно. У него есть свои представители, не имеющие никаких полномочий от населения. Его депутаты заседают отдельно; и если бы они даже собирались в одной зале с депутатами простых граждан, то и тогда представительство знатного сословия не перестало бы быть отличным от народного представительства; оно чуждо народу и самою сущностью своею, потому что его полномочия не исходят от населения, и своею целью, так как оно призвано защищать не общие интересы, а частные.

Итак, третье сословие обнимает все, что относится к нации; и все, что не заключается в третьем сословии, не может считаться частью нации. Что же такое третье сословие? - Все.

II. Чем было третье сословие до сих пор? - Ничем.

Мы не станем рассматривать рабского состояния, под игмом которого народ так долго стонал, в котором он поныне пребывает. Его гражданское состояние все же значительно изменилось; еще большие перемены в его правовом положении предстоят в ближайшем будущем,

ибо немыслимо, чтобы нация в целом или какое-либо сословие в отдельности стало свободным без того, чтобы не получило свободу третье сословие. Свобода заключается не в привилегиях, а в равных правах, принадлежащих всем.

Если же аристократы, недостойные такой свободы, попытаются удержать народ в угнетении, то народ осмелится спросить их: по какому праву? Если они ответят, что по праву завоевания, и захотят сослаться на давнишние события, то хотя это значило бы восходить слишком далеко в историю, однако, третьему сословию нечего бояться таких воспоминаний. Будем исходить от времени, предшествовавшего завоеванию. Так как третье сословие теперь достаточно сильно, чтобы не дать себя завоевать снова, то его сопротивление будет теперь более действительно, чем было тогда. Почему бы, в самом деле, не препроводить обратно в Франконские леса все те семьи, которые сохраняют безумные притязания на права первоначальных завоевателей Франции?

Нация, освободившаяся от завоевателей, вероятно, кое-как утешилась бы в том, что ей пришлось бы считать своими родоначальниками одних только галлов и римлян. Если же, во что бы то ни стало, хотят различать людей по происхождению, то нельзя ли объяснить нашим бедным согражданам, что происхождение от галлов и римлян, по крайней мере, так же почетно, как от сикамбров, вельфов и других диких племен, вышедших из лесов и болот древней Германии? Да, ответят нам; но завоевание изменило все эти отношения, и благородным считается только происхождение от завоевателей. Прекрасно. В таком случае можно снова опрокинуть взаимные отношения тем, что третье сословие в свою очередь станет завоевателем и тем приобретет право на благородство.

Если же привилегированные вовсе не являются прямыми потомками завоевателей и в них нельзя видеть ничего, кроме потомков третьего сословия, то что сказать о преступной наглости, с которою аристократы ненавидят, презирают и угнетают своих братьев?

Возвратимся к нашему положению. Под третьим сословием следует понимать совокупность граждан, живущих общим строем. Все, что по закону пользуется привилегиями, находится вне общего строя, составляет исключение из общего права и, следовательно, не принадлежит к третьему сословию. Только общее право и общее представительство составляет одну нацию. Общеизвестна истина, что во Франции совершенно беззащитен тот, кто должен ограничиться покровительством лишь общего права. Кто не может прикрыться какой-нибудь привилегией, тот обречен на презрение, притеснения и оскорбления. У непривилегированного есть только одно средство

спасти от окончательного угнетения: это - добиться всяческими низостями благоволения какого-нибудь вельможи; такой ценою он покупает покровительство и опору на случай надобности. Но наша задача: рассмотреть положение третьего сословия не столько в гражданском быту, сколько в государственной жизни. Посмотрим, что оно представляет собою в Генеральных штатах.

Кто были мнимые представители третьего сословия в прежних собраниях Генеральных штатов? Новопожалованные и личные дворяне. Эти ложные депутаты даже не всегда обязаны были своим назначением свободному выбору населения. Родовитая знать не переносит новых дворян; она позволяет заседать вместе с собою только тем из них, которые могут доказать четыре поколения или сто лет дворянства. Этим она оттесняет их к третьему сословию, к которому они, очевидно, не принадлежат. Однако пред законом все дворяне равны - как те, которые стали ими со вчерашнего дня, так и те, которым (дурно ли, хорошо ли) удалось доказать свое древнее происхождение. У всех одинаковые привилегии, - они различаются только в общественном мнении. Но если третье сословие вынуждено переносить предрассудок, освященный законом, то ему все же нет основания подчиняться предрассудку вопреки букве закона.

Пусть делают с новыми дворянами все, что угодно; для нас нет сомнения в том, что с того момента, как гражданин приобретает преимущества, вопреки общественному праву, он перестает быть членом общего союза. Его новые интересы противоположны общим интересам; он больше не может подавать голос за народ. Всякая привилегия противна общему праву, и все привилегированные, без различия, составляют отдельный класс населения, враждебный третьему сословию. Эта истина не заключает ничего тревожного для друзей народа. Наоборот, разъяснение ее служит великому национальному делу, ибо она резко подчеркивает необходимость немедленного уничтожения всех привилегий, разделяющих нацию и предающих третье сословие в руки врагов. Если мне возразят, что распространение некоторых привилегий на все население, например, освобождение от воинской повинности, лишит государство возможности удовлетворять общественную необходимость, то я отвечу, что удовлетворение общегосударственных потребностей должно быть обязанностью всех граждан, а не одной специальной группы. Абсурдно думать, что для содержания необходимой военной силы нельзя найти другого средства, более справедливого и более соответствующего национальным интересам. Жалобы, раздающиеся в стране, на то, что у нас существует тройная аристократия: духовная, военная и судейская, вызывают в некоторых неосновательное удивление. Эти жалобы

совершенно справедливы. Если Генеральные штаты являются выразителем общей воли и потому обладают законодательной властью, то как же иначе назвать, как не аристократическим, такое государственное правление, при котором штаты представляют лишь духовно-дворянско-судейское собрание?

Не забудьте еще той ужасной истины, что все отрасли исполнительной власти, так или иначе, попали в руки членов той же тройственной касты. По чувству братства, свойственному всякой корпорации, знатные предпочитают своих чужим, т. е. всему народу. Да, узурпация полная; привилегированные, поистине, царствуют.

Читайте историю и проверяйте мое утверждение на фактах; тогда вы убедитесь, что мнение, будто во Франции господствует монархический режим, совершенно ложно.

Исключите из нашей истории несколько лет царствования Людовика XI, деятельность Ришелье и некоторые моменты из жизни Людовика XIV, когда господствовал чистейший деспотизм, - и вам будет казаться, что вы читаете историю придворной аристократии. Царствовал двор, а не монарх. Двор отдает приказания и отменяет их, назначает и сменяет министров, создает и распределяет посты и т. д. И что такое двор, как не голова огромного аристократического чудовища, опутывающего всю Францию, щупальца которого простираются всюду, захватывая все, и распоряжаются всем существенным в общественном деле? Народ даже отделяет в своих робких жалобах монарха от властей предержащих. Он всегда смотрел на короля как на человека, кругом обманутого и настолько беспомощного среди всемогущей придворной партии, что никто никогда не думал винить его за все то зло, которое учиняется его именем.

Итак, третье сословие не имело до сих пор своих истинных представителей в Генеральных штатах, - значит, его политические права равны нулю.

III. Чем желает быть третье сословие? - Чем-нибудь.

О желаниях третьего сословия нельзя судить по словам единичных авторов, более или менее сведущих в вопросе о сущности прав человека. Третье сословие в этом отношении не только сильно отстало от людей, изучавших общественные науки, оно даже не поставило своих требований в уровень с той массой общераспространенных сведений и мыслей, которые образуют общественное мнение. О чаяниях этого сословия лучше всего судить по ходатайствам, с которыми обратились к правительству муниципалитеты больших городов. Что мы в них видим? Что народ желает быть чем-нибудь, и

притом самым малым, что только возможно. Он хочет иметь истинных представителей в Генеральных штатах, т. е. депутатов из своей собственной среды, которые были бы способны излагать его нужды и защищать его интересы. Зачем ему идти в такое собрание, где заведомо будут преобладать интересы, противоположные его интересам? Это значило бы санкционировать своим присутствием притеснения, на него же направленные. Нет, ему нечего посылать представителей в Генеральные штаты, если ему не будет обеспечено в них влияние, по крайней мере, равное влиянию привилегированных; третье сословие желает иметь число представителей, равное числу от обоих высших сословий. Но это равенство представительства стало бы призрачным, если бы каждая палата заседала отдельно. Поэтому третье сословие желает, чтобы голосование производилось всеми депутатами совместно, а не по сословиям. Вот к чему сводятся притязания третьего сословия возбудившие такую тревогу среди привилегированных. И им есть чего опасаться: такой порядок приведет к устранению злоупотреблений в государственном строе. Истинное намерение третьего сословия - иметь в Генеральных штатах влияние, равное влиянию привилегированных. Может ли оно желать меньшего. Не ясно ли, что если третье сословие будет поставлено в собрании ниже других, то оно не выйдет из своего ничтожества и не станет даже чем-нибудь.

Величайшее несчастье, однако, состоит в том, что указанных трех требований третьего сословия: избрания депутатов из собственной среды; числа представителей, равного числу обоих высших сословий и совместного голосования всех депутатов, - еще недостаточно для обеспечения за ним крайне нужного ему равенства влияния в собрании. Число представителей останется без всякой пользы, если влияние привилегированных будет простирается на выборы и будет проявляться в самом святилище третьего сословия. В самом деле, - кто распоряжается постами, должностями и доходными местами, кто нуждается в покровительстве и кто имеет власть оказывать покровительство? Разве непривилегированные, которые по своим способностям отлично могли бы защищать интересы своего сословия, не воспитываются в суеверном или вынужденном почтении к знати? Известно, что люди легко примиряются со всякими приемами и обычаями, которые могут им быть полезны. Они постоянно думают об улучшении своей участи; и когда человек не может добиться успеха прямыми путями, он изоцряет свое искусство на кривых путях. Самые способные из нас вынуждены были для достижения результатов от своих трудов склониться пред волею влиятельных лиц. Эта часть нации живет как бы в огромной господской передней; она занята только тем,

что думают и делают господа, и готова жертвовать всем ради милостей, которые она надеется от них получить. Как не опасаться при господстве таких обычаев, что таланты, наиболее пригодные для защиты национальных интересов, будут преданы враждебной стороне? Наиболее энергичные защитники аристократии будут в самом третьем сословии. Люди с большими природными дарованиями, но без благородной души бывают в такой же мере честолюбивы и падки до благоволения вельмож, в какой они неспособны сознавать цену свободы. Помимо власти аристократии, располагающей всем во Франции, и средневековых предрассудков, поработавших большинство умов, у нас еще существует влияние собственности. Я не думаю отрицать собственности; ее влияние естественно, - но надо признать, что этот фактор действует в пользу аристократии, и можно опасаться, что богатство окажет свою могущественную поддержку аристократии против третьего сословия.

Городские управления слишком поспешно решили, что достаточно лишить привилегированных права лично представлять собою третье сословие, чтобы избавиться от их влияния на выборы. Много ли найдется таких деревень и даже городов, где бы в распоряжении влиятельного сеньора не находилась большая или меньшая группа лиц из народа? Примите во внимание последствия, к которым приведет влияние знатных во время самих выборов, и скажите после этого, уверены ли вы, что в Генеральные штаты попадут защитники третьего сословия в должном числе? Чем больше вдумываешься в положение дел, тем более сознаешь недостаточность заявленных третьим сословием трех требований. Однако и они подверглись усиленным нападкам. Рассмотрим причины враждебного к ним отношения.

§ 1. Первое требование

Представители третьего сословия должны быть избраны из граждан, действительно принадлежащих к этому сословию.

Уже выше было указано, что к третьему сословию, в сущности, принадлежат только граждане, не запятанные никакой привилегией.

Судейские чиновники, проникшие в дворянство через двери, которые они почему-то сочли нужным запереть за собою, изо всех сил добиваются права заседать в Генеральных штатах. Они рассуждают про себя так: «Высшая знать чуждается нас, а мы чуждаемся третьего сословия; если бы они могли составить новое сословие, было бы прекрасно; но так как это невозможно, то постараемся отстоять старинное злоупотребление, по которому третье сословие доверяло свои полномочия благородным. Этим мы удовлетворим наше честолюбие, не будучи вынуждены отказаться от привилегий».

Старинное дворянство тоже не прочь послать своих сыновей в палату общин**.

Стоит только понять свои выгоды, - в доводах, как известно, недостатка не бывает. Говорят, что надо сохранить старый обычай. Хорош обычай, который - для представления третьего сословия - исключает его из представительства! У третьего сословия есть свои гражданские и политические права; и те и другие оно должно осуществлять само. Подумайте только: нация разбивается на три сословия к выгоде привилегированных и к несчастью третьего и снова сливается воедино, когда речь идет о вопросе, полезном для первых и вредном для последнего. Стоит дорожить обычаем, который дает возможность духовенству и знати завладеть палатою депутатов! Сочли ли бы они себя правильно представленными, если бы третье сословие заполнило своими выборными их собрания?

Говорят, что ограничивать право выбора, значит посягать на свободу избирателей. Я на это дам два ответа. Первый тот, что это возражение недобросовестно, и я это сейчас докажу. Нам хорошо известно господство сеньоров над крестьянами и другими деревенскими жителями; равно знакомы нам обычные приемы их многочисленных агентов, в том числе судебно-полицейских. Каждый сеньор, который захочет влиять на выборы, может быть уверен, что он будет избран выборщиком в окружное собрание от своего участка; а в окружном собрании сеньорам остается только избрать кого-нибудь из своей среды или из людей, заслуживших их полное доверие. Ради народной ли свободы вы оберегаете ваше право злоупотреблять его доверием? Священное слово свободы профанируется тем, что под ним скрываются совершенно противоположные намерения. Без сомнения, избиратели должны иметь полную свободу выбора, и уже по тому самому необходимо отстранить от представительства третьего сословия всех привилегированных, привыкших властно распоряжаться народом.

Второй ответ касается самого понятия свободы. Нет безграничной свободы, как нет абсолютного права. Во всех странах закон устанавливает определенные условия, наличие которых обязательно для того, чтобы пользоваться активным и пассивным избирательным правом. Например, человек, не достигший известного возраста, не признается способным представлять своих сограждан; также женщины, - дурно ли, хорошо ли это - лишены избирательного права; бродяги, нищие не могут получить политического полномочия от населения. Разве прислуга и вообще люди, зависящие от хозяина, ненатурализованные иностранцы будут допущены в Генеральные штаты? Политическая свобода имеет точно так же границы, как и гражданская. В нашем случае вопрос может быть только

о том, в такой ли степени существенны условия неизбираемости, предъявляемые третьим сословием, как все перечисленные мною общепризнанные условия? Сравнение говорит в пользу нашего требования; ибо интересы нищего или иностранца могут и не быть противоположны интересам третьего сословия, в то время как духовные и дворяне уже наверно дорожат привилегиями, которые приносят им выгоду.

Итак, условие, на котором настаивает третье сословие, для него самое важное из всех и согласно со справедливостью и естественным положением вещей. Нельзя допустить, чтобы члены высших сословий, неспособные по существу защищать интересы третьего, получили полномочие от общин. Если они не будут устранены формально и окончательно, то влияние сеньоров не преминет проявиться в пользу их подручных. Прошу не забывать о существовании многочисленных агентов, находящихся на службе у феодальных владетелей.

Ненавистным пережиткам варварской феодальной системы мы обязаны сохранившимся до сих пор, к несчастью для Франции, делением нации на три враждебных друг другу сословия. Все погибло бы, если бы уполномоченные феодалов получили возможность узурпировать представительство всего народа. Кто не знает, что служители настойчивее и смелее отстаивают интересы своих господ, чем сами господа?

Я знаю, что это запрещение распространяется на весьма многих и, в частности, на всех чиновников владельческой юстиции, но такова сила вещей, и ей нужно подчиниться. Что касается арендаторов имуществ, принадлежащим к первым двум сословиям, то, по моему мнению, в настоящем своем положении они слишком зависимы, чтобы свободно голосовать в пользу своего сословия. Но надо надеяться, что законодатель когда-нибудь уяснит себе истинные интересы земледелия и поймет, в чем заключаются граждански добродетели и общественное благополучие. Тогда перестанут отождествлять правительственные мероприятия с энергичным взысканием казенных денег; тогда разрешат, даже будут поощрять пожизненное владение фермерами арендованными участками и будут смотреть на этих драгоценных для страны людей как на свободных поселян, вполне правоспособных поддерживать национальные интересы.

Пробовали было опровергнуть наше требование тем, что третье сословие будто не может выставить достаточного числа людей просвещенных, смелых и т.п. в качестве представителей, а потому оно-де должно обратиться к содействию дворянства. Это странное утверждение не заслуживает даже ответа. Посмотрите на состоятельные классы третьего сословия. (Состоятельными людьми я

называю таких, у которых есть достаточно средств, чтобы получить просвещенное воспитание, развиваться умственно и интересоваться общественными делами). У этих классов населения нет других интересов, помимо общих всему народу. Скажите, разве среди них нет достаточно граждан просвещенных, честных, достойных во всех отношениях быть истинными представителями нации?

Но если какой-нибудь выборный округ, скажут нам, не захочет передать своих полномочий никому другому, как только лицу духовному или дворянину, если граждане этого округа никому другому не доверяют? Я уже сказал, что не существует безграничной свободы, и что лишение привилегированного лица права быть представителем третьего сословия является условием необходимым. Рассмотрим вопрос по существу. Допускаю, что какой-нибудь округ непременно захочет поступить вопреки своим интересам. Следует ли ему также предоставить право вредить другим? Если я один заинтересован в действиях моего поверенного, мне могут лишь сказать: «Тем хуже для вас, значит, вы выбрали такого». Но депутаты от округа не являются лишь представителями того округа, который их избрал; они призваны представлять нацию в совокупности и голосовать от имени всего государства. Поэтому избирательный закон должен быть общим для всех, и условия пассивного избирательного права должны быть таковы, чтобы обеспечить нацию от капризов нескольких избирателей, которым общие условия могут не нравиться.

§ 2. Второе требование третьего сословия

Число его депутатов должно быть равно числу депутатов обеих привилегированных сословий.

Я не могу удержаться, чтобы не повторить, что излишняя скромность этого требования отражает на себе следы доброго старого времени. При заявлении этого требования города в достаточной степени не сообразовались ни с новейшими успехами просвещения, ни даже с общественным мнением. Они не встретили бы больших затруднений, если бы потребовали двух голосов против одного; может быть, им бы тогда поспешили предоставить просимое ими равное число депутатов, которые ныне встречает такую сильную оппозицию.

Впрочем, при решении вопроса, подобного настоящему, не следует выставлять в качестве доводов свое желание или волю, или существующий обычай, - нужно восходить к принципам. Права политические, как и гражданские, должны находиться в зависимости от права гражданства. Но последнее принадлежит, в силу естественного права, всем одинаково безотносительно к имущественной собственности или фактической власти каждого лица. Каждый

гражданин, удовлетворяющий определенным условиям, установленным для избирателя, тем самым приобретает право быть представленным в Генеральных штатах, и его право представительства не может быть дробью от права какого-нибудь другого гражданина. Это право - одно, и все осуществляют его одинаково, так же, как все одинаково находятся под защитой закона, в разработке которого они участвуют. Нельзя одновременно утверждать, что закон есть выражение общей воли, т. е. воли большинства, и требовать, чтобы десять единичных мнений уравновесили тысячу других мнений. Не значит ли это предоставить право издавать законы меньшинству, что явно противно природе вещей? Так как эти рассуждения, вполне правильные по существу, несколько выходят из обычного круга мыслей читателей, то я подкреплю их наглядным примером.

Не правда ли, все признают справедливым, что огромный избирательный округ Poitou послал больше представителей в Генеральные штаты, чем маленький округ Gex? Однако почему? Потому, говорят, что первый округ имеет гораздо большее население и уплачивает больше налогов, чем второй. Таким образом, молча признают принципы, по которым можно установить пропорциональное число представителей. Может быть, вы хотите, чтобы в основание расчета была положена сумма уплачиваемого налога? Хотя у нас нет верных сведений об относительном обложении сословий, однако с первого взгляда бросается в глаза, что третье сословие уплачивает больше половины налогов.

Что касается численности населения, то всем известно, что третье сословие составляет огромное большинство населения. Хотя и здесь не существует точных цифр, однако, я позволю себе привести приблизительный расчет: духовных, включая монахов и монахинь - 80400 душ, дворян вместе с семьями - 110 000 душ. Всего в обоих привилегированных сословиях менее 200 000 душ. Сравните это число с 25-26 миллионами всего населения Франции - и судите.

Можно прийти к тому же решению, исходя из других соображений, столь же неоспоримых; именно, если обратить внимание на то, что привилегированные находятся в таком же отношении ко всему союзу граждан, в каком изъятие из закона - к самому закону.

Всякое общество должно управляться общими законами и подчиняться общему порядку. Если вы допускаете изъятия, то они должны быть очень редки, и во всяком случае не могут иметь в общественном деле такого веса и такого влияния, как общее правило. Несогласно со здравым смыслом сопоставлять и приравнивать интересы людей, освобожденных от закона, с интересами всего народа. Когда через несколько лет вспомнят все затруднения, которые

ныне встречает скромная просьба третьего сословия, то будут удивлены как ничтожностью выставляемых возражений, так, главным образом, наглостью и несправедливостью, с которыми выискивались предлоги к отказу.

Приглашаю тех, которые в своих возражениях третьему сословию ссылаются на примеры истории, внимательно присмотреться к событиям и извлечь из них правило для собственного поведения. При Филиппе Красивом достаточно было нескольких благонамеренных горожан, находившихся в его королевстве, чтобы их представители образовали палату общин в Генеральных штатах. С того времени феодальное рабство исчезло, деревни доставили большое число новых граждан. Города разрослись в величине и умножились в числе. Торговля и промыслы создали много новых классов населения с большим числом состоятельных семей, состоявших из лиц, хорошо воспитанных и преданных общественному делу. Разве этот двойной рост городов не служит достаточным основанием к тому, чтобы создать две палаты для третьего сословия? Справедливость и мудрая политика одновременно требуют этого.

Однако привилегированные не посмели вести себя так же бессмысленно в вопросе об окраинах или о новых провинциях, присоединенных к нашему отечеству со времени последних собраний Генеральных штатов. Никто не позволил себе высказать мысль, что новые провинции не должны иметь своих представителей в палате, сверх тех, которые заседали в 1614 году^{***}. Почему же отказывают в собственных представителях вновь создавшейся Франции, которую легко сравнить с приростом территории? Ведь фабрики и ремесла порождают новые богатства, доставляют новые налоги и создают новое население не в меньшей мере, чем добавочная территория.

Если третье сословие оценит себя и научится уважать себя, то и другие будут его уважать. Надо помнить, что прежнее отношение между сословиями подверглось в одно и то же время изменениям с двух сторон. Третье сословие, бывшее ничем, приобрело своей умелой деятельностью часть похищенного у него более сильным. Но вместо того, чтобы потребовать восстановления своих прав, оно согласилось выкупить их - ему не возвратили его прав, а продали их. Третье сословие должно знать, что оно ныне фактически представляет в своем лице нацию, тень которой оно было раньше; и что дворянство за это продолжительное время перестало быть чудовищной феодальной действительностью, которая могла все душить, а превратилось лишь в тень прошедшей действительности, и что эта тень напрасно старается пугать целую нацию.

§ 3. Третье и последнее требование третьего сословия

Депутаты генеральных штатов должны голосовать все вместе, а не по сословиям.

Настоящий вопрос можно рассматривать с трех точек зрения: с точки зрения третьего сословия, в зависимости от интересов привилегированных и исходя из общих здравых принципов. В интересах третьего сословия - нечего прибавить к тому, что уже сказано нами выше. Ясно, что для третьего сословия это требование является необходимым следствием первых двух.

Привилегированные боятся равенства влияния третьего сословия; они объявили его противоконституционным. Их образ действия тем более вызывает удивление, что они до сих пор владели двумя голосами против одного и не видели ничего неконституционного в своем незаконном преобладании. Они чувствуют настоятельную необходимость сохранить за собою право veto на все, что могло бы быть противно их интересам. Не стану повторять в сотый раз доказательств, приведенных десятками писателей против их претензий и старых форм. Я сделаю только одно замечание. Факт, что во Франции существуют злоупотребления. Эти злоупотребления кому-нибудь да приносят выгоду. Ясно, что не третьему сословию, потому что оно только страдает от них. Скажите теперь, возможно ли уничтожить эти злоупотребления, оставляя право veto за теми, которые извлекают из них выгоду? Никакие суды не помогли бы. Если положиться на одно только великодушие привилегированных, то можно всего ожидать. Соответствовали бы такие условия представлению, которое люди составили себе о социальном порядке?

Если мы теперь захотим разъяснить этот вопрос с точки зрения законов социальной науки, независимо от всякого частного интереса, то увидим, что он примет совсем иной облик. Нельзя принять ни требования третьего сословия, ни заявления привилегированных, не отвергая в то же время самых достоверных положений науки об обществе. Я не думаю порицать наши добрые города за то, что они высказали такое желание. Они хотели хоть сколько-нибудь стать ближе к своим правам и потому потребовали равновесия между влияниями обеих сторон. К тому же они высказали вполне правильное суждение: право veto, предоставленное одному сословию не в пример другим, могло бы парализовать всякую деятельность в стране, где интересы сословий стали противоположны. Если депутаты не будут голосовать вместе, то теряется возможность узнать мнение большинства и, следовательно, наперед лишаются всякого значения будущие постановления Генеральных штатов. Эти истины не могут быть

оспариваемы. Но тут является другой вопрос: могут ли представители трех сословий в той форме, как они теперь избираются, соединиться для совместного голосования? Ответ, согласный с законами социальной науки, может быть только один: нет, они не могут постановлять решений ни все вместе, ни по сословиям. Какие бы численные отношения ни установить между депутатами сословий, таким путем нельзя достигнуть главной цели, преследуемой Генеральными штатами, - объединить всех представителей общим решением. Настоящее мое утверждение несомненно нуждается в развитии и доказательствах. Я их приведу в шестой главе. Пока же я этот вопрос оставляю, дабы радикальным взглядом не заслужить порицания со стороны умеренных, которые всегда боятся, как бы истина не обнаружилась некстати. Надо прежде вырвать от них признание, что настоящее положение дел, по вине привилегированных, таково, что каждому нужно принять какое-нибудь решение и высказать правду открыто и полно.

IV. Что правительство пыталось сделать и что привилегированные предлагают от себя в пользу третьего сословия

Правительство, побуждаемое не такими мотивами, за которые можно было бы питать благодарность к нему, а собственными ошибками, и убедившись в том, что его ошибки не могут быть исправлены без добровольного содействия нации, решило, но оно может обеспечить себе слепое согласие народа на все свои проекты ценою небольших уступок. В этих видах министр Калонн выработал проект провинциальных собраний.

Кто хоть раз пробовал заняться общегосударственными вопросами, тот не мог не поразиться политическим ничтожеством третьего сословия. Министр понял, что оставить разделение нации на сословия значит отказаться от всякой надежды на улучшение положения; поэтому он предположил уничтожить с течением времени сословные различия. В этом духе, по крайней мере, был составлен и редактирован первоначальный план провинциальных собраний. Стоит только с некоторым вниманием прочесть проект, чтобы убедиться в том, что личное положение граждан в нем не играет никакой роли, значение каждого лица определяется его имущественным положением. Граждане призывались в собрания в качестве собственников, а не в качестве священников, дворян или разночинцев и крестьян. В проекте провинциальных собраний, может быть, были более интересны принципы, по которым они составлялись, чем цель, которая ими

преследовалась: в них устанавливалось действительное народное представительство.

Собственность была разделена на четыре класса: во-первых, сеньории - владельческие земли. Они составили первый класс без отношения к тому, кто является их собственником: дворянин или разночинец, духовное лицо или мирянин. Остальная собственность, в отличие от владельческой, была разделена на три класса. Естественнее было бы разделить ее только на два класса, соответствующие природе труда и интересам: на городскую собственность и деревенскую, причем первая заключала бы в себе ремесла, фабрики, дома и проч. Но, очевидно, сочли преждевременным включить церковное имущество в общее подразделение и потому образовали из него второй класс. Третий класс составило деревенское имущество, а четвертый - городское.

Таким образом, за исключением класса церковного имущества, во все остальные три имущественных класса могли бы войти лица всех сословий. Естественнее предположить, что, так как общественные дела трактовались бы в таком собрании без отношения к сословиям, то вскоре у всего населения создалась бы общность интересов, и дело кончилось бы тем, с чего, собственно, следовало начать, т. е. объединением всего населения в одну нацию.

Однако все эти желанные последствия ускользнули от внимания хваленного и умного главного министра. Не то, чтобы он не отдавал себе отчета в собственных желаниях; но он не понял всей серьезности того, что он испортил последующими изменениями, внесенными в проект. Калонн впоследствии восстановил противное здоровой политике разделение нации на сословия; хотя такое существенное изменение влекло за собою необходимость переработать проект заново, однако он считал возможным оставить старый проект во всех тех частях, которые прямо не противоречили его измененному плану, - и потом еще удивлялся, что ежедневно на практике возникали новые затруднения. Особенно недоумевала знать. Она не понимала, как она может сохранить свою изолированность в собраниях, в которых не будут участвовать специалисты по генеалогии. Конечно, со стороны это беспокойство казалось смешным.

Из всех погрешностей, допущенных при выполнении этого плана, самую важную была та, что здание начали покрывать уже крышей, не заложивши предварительно его фундамента, т.е. не давши народу свободных выборов. Но этот министр, по крайней мере, удовлетворил законное право третьего сословия иметь столько депутатов, сколько оба привилегированных сословия вместе. Чем, однако, все это кончилось? Тем, что представителями третьего сословия оказались

члены высших сословий. Так-то служат делу третьего сословия даже после того, как открыто заявили, что имеют в виду удовлетворить его законные претензии.

Обещание дворянства платить налоги

Дворяне формально выразили согласие на то, чтобы налоговое бремя выносилось одинаково всеми тремя сословиями. Но их вовсе не об этом спрашивали. Речь шла о способе созыва Генеральных штатов, а не о постановлениях, которые этому собранию придется делать. На их обещание надо смотреть просто как на мнение, высказанное пэрами, парламентом и, наконец, многими частными обществами и отдельными лицами, которые теперь спешат согласиться с тем, что богатый должен платить столько же, сколько бедный. Они сознают, что если бы налоги были тем, чем они должны быть, т.е. добровольным приношением, то третье сословие не желало бы казаться более великодушным, чем другие.

Не станем скрывать: этот новый оборот дела смутил некоторых. Несомненно, хорошо и похвально со стороны дворян, что они вперед выразили готовность подчиниться перераспределению податного бремени, которое будет установлено законом. Но откуда, спрашивается, берется у второго сословия такое рвение, такая уступчивость и поспешность? Не надеется ли оно добровольною уступкою предотвратить введение этой меры законодательным путем? Не хочет ли оно излишне предупредительностью к вероятным постановлениям Генеральных штатов доказать возможность обходиться без них. Я не утверждаю, что дворянство сказало королю: «Государь! Вам нужны Генеральные штаты только для восстановления ваших финансов. Но мы согласны платить наравне с третьим сословием. Не правда ли. наше предложение делает для вас излишним созыв собрания, которое нас беспокоит больше, чем вас?» Нет, я считаю такое предположение невозможным. Скорее, можно было бы подозревать дворян в желании предварением справедливого закона уговорить третье сословие отказаться от своих настоящих требований и от стремления стать чем-нибудь в Генеральных штатах. Они как бы говорят третьему сословию: «Чего вы добиваетесь? Чтобы мы платили одинаково с вами? Хорошо, это справедливо; будем платить. Оставьте же нетронутым старый порядок вещей, при котором вы были ничем, а мы были всем, и когда нам так легко было платить столько, сколько нам угодно было».

Третье сословие может на это ответить: «Пора, наконец, и вам наравне с нами участвовать во внесении налогов, из которых вы извлекаете больше пользы, чем мы. Вы хорошо понимаете, что эта

чудовищная несправедливость не может больше продолжаться. Если мы будем свободны в наших платежах, мы не будем щедрее вас. Конечно, вы будете платить, но не по великодушию вашему, а по справедливости; не потому, что вы этого желаете, а потому, что вы обязаны это делать. Мы ожидаем от вас повиновения общему закону, а не выражения оскорбительной жалости к сословию, к которому вы так долго относились безжалостно. Но этот вопрос подлежит обсуждению в Генеральных штатах; теперь же речь идет о правильном созыве их. Если третье сословие не будет в них представлено, нация останется немой и ни одно постановление не будет законно. Даже если бы вы нашли средство водворить всюду порядок без нашего содействия, мы все-таки не можем допустить, чтобы нами распоряжались без нашего согласия. Долгий и печальный опыт разуверил нас в прочности даже хорошего закона, если он является лишь *соизволением более сильного*».

Привилегированным не надоедает повторять, что между сословиями устанавливается полное равноправие с того момента, как они отказываются от преимуществ материального характера. Но если все равны, то почему они опасаются удовлетворить ходатайства третьего сословия? Можно ли вообразить, что оно захочет вредить самому себе и будет посягать на общие интересы? Если все равны, то откуда все эти усилия помешать третьему сословию выйти из своего политического ничтожества? Покажите мне, где та чудодейственная сила, которая избавит Францию от возможности злоупотреблений всякого рода, если только дворянство будет вносить свою долю в казначейство. Раз существуют другие злоупотребления и не порядки, помимо податных, то пусть мне объяснят, как может установиться равноправие между теми, кому злоупотребления выгодны, и теми, кто от них страдает.

Все равны. Значит, по принципу равенства позорно отстранили третье сословие от всех более или менее выдающихся постов и должностей? По принципу равенства от него исторгают добавочные подати, чтобы из них создать огромные средства, назначенные исключительно на вспомоществования так называемому *бедному дворянству*? Кто подвергается больше всего притеснению со стороны агентов фиска и чиновников прочих ведомств? Люди третьего сословия. Я, разумеется, отношу к этому сословию только тех граждан, которые не пользуются никакими преимуществами.

Даже законы, которые, кажется, должны бы быть беспристрастны, оказываются милостивыми к привилегированным. В пользу кого они изданы? В пользу высших сословий. Против кого? Против народа. И хотя бы народ был доволен и не думал больше ни о чем, потому

что дворянство согласно платить наравне с ним. Хотят, чтобы новые поколения закрыли глаза пред светом истины, открытой теперь для всех, и чтобы они спокойно примирились с насильственным строем, которого уходящие поколения уже не могли переносить. Оставим лучше эту тему. Она возбуждает только чувство негодования.

Все специальные налоги третьего сословия будут отменены. В этом больше нельзя сомневаться. Право, наша страна диковинная. Граждане, извлекающие наибольшие выгоды из общественного достояния, менее всех поддерживают это достояние; у нас существуют налоги, внесение которых считается постыдным, и которые сам законодатель называет унижительными. У нас люди трудящиеся не находят дела; считается почетным потреблять и унижительным производить; тяжелые работы называются непристойными, как будто есть что-нибудь непристойное, помимо порока, и как будто среди трудящихся классов более всего непристойного.

Наконец-то будут вычеркнуты из политического словаря такие слова, как: оброчные платежи, специальные земельные налоги, плата за пользование орудием труда и т.п., и законодатель с глупым самодовольством больше не будет издавать законов, преграждающих доступ в страну иностранным капиталам и иностранной промышленности. Не говоря о многочисленных благодетельных мерах, которые нас ожидают с введением правильно учрежденного представительного собрания, я пока еще не вижу ничего, чтобы обещало бы третьему сословию действительно правильное представительство. Оно пока ни на шаг не подвинулось вперед в своих просьбах. Привилегированные настаивают на двух палатах и на предоставлении им двух голосов из трех, а равно, не отказываются от требования, чтобы для каждого решения нужно было согласие обеих палат.

Министр более всего опасается, как бы неуступчивость сторон не привела положение к мертвой точке: всеобщая остановка задержит и денежную помощь, которую он надеется получить от собрания. Только бы стороны, по крайней мере, сошлись в вопросе о восполнении дефицита. Остальное его мало интересует: пускай сословия затем спорят, сколько им угодно. Больше того, чем непроизводительнее будет их работа, тем менее ему надо бояться за свою неограниченную власть. Отсюда эти поиски компромисса, старание во что бы то ни стало примирить стороны. Но компромисс может быть только полезен привилегированным и правительству и сулит гибель третьему сословию. Предлагают голосовать совместно субсидии и все, касающееся налогов; а после того желают, чтобы сословия разошлись по своим палатам и заседали в них отдельно, как в неприступных

крепостях. Тогда их деятельность сведется к тому, что общины будут безрезультатно рассуждать, привилегированные - безбоязненно развлекаться, а министр будет оставаться хозяином положения. Но можно ли поверить, что третье сословие попадет в эту ловушку? Утверждение сметы должно быть последним делом Генеральных штатов; раньше надо условиться об общей форме, в которой должны происходить обсуждения в собрании.

Подражание английской конституции

Дворянское сословие, в состав которого вошли представители разных интересов, готово ныне расколоться на две части. Трех- или четырехстам фамилиям высшей аристократии страстно хочется учредить во Франции верхнюю палату, наподобие английской. Их гордость питается надеждою, что они будут выделены из всей массы дворян. Высшая аристократия охотно оттолкнула бы от себя остальное дворянство, предлагая ему заседать в палате общин вместе со всем населением.

Третье сословие не станет доверять такому строю, который стремится ни более, ни менее, как к наполнению его палаты людьми, интересы которых совершенно противоположны общим интересам. В этом отношении между Англией и Францией существует различие. В Англии нет привилегированных дворян, кроме тех, которым конституция предоставила участие в законодательной власти. Лорды верхней палаты не составляют отдельного *сословия*. В Англии есть только одно сословие, это - нация. Член Палаты лордов является лицом, уполномоченным законом для выполнения некоторых законодательных и судебных функций; но он не пользуется преимуществами в силу принадлежности к *касте* и без отношения к выполнению им общественных функций. Ведь братья лордов не причастны к привилегиям их старшего брата. Эти важные полномочия, правда, получают по праву рождения, или, вернее сказать, по праву первородства. Это - пережиток феодальной эпохи, столь могущественной еще сто лет тому назад, институт - средневековый, прямо смешной. Если королевская власть стала наследственной, то это имеет свое разумное основание - устранение гражданских войн и междоусобиц, с которыми связано бывает избрание нового короля. Но ничего подобного нельзя было бы опасаться при назначении простого лорда. Во всяком случае, все остальные граждане соединены в Англии общим интересом; нет привилегий, которыми бы владели отдельные классы населения. Если же хотят во Франции соединить все три сословия в одно, то необходимо предварительно уничтожить все, что имеет хоть отдаленное подобие привилегии. Дворянин и священник не

должны иметь никаких отдельных интересов, помимо общего, и должны пользоваться по закону лишь правами простых граждан. Без этого условия вы напрасно объедините все три сословия под одним названием; они навсегда останутся разнородными элементами, не поддающимися спайке. Надеюсь, что меня не станут обвинять в поддержке сословного строя, который я считаю самым губительным учреждением во всяком человеческом обществе. Одно только несчастье больше сословного строя, это - номинальное объединение их и фактическое разделение с помощью привилегий. Это значит санкционировать навсегда господство привилегированных над страной.

Третье сословие найдет поддержку в местном дворянстве, которое не захочет променять выгодные привилегии на бесполезный для него блеск высшей аристократии. Люди вообще очень любят уравнивать с собою все то, что выше их; тогда они являются философами. Но равенство становится им ненавистным с того момента, как они замечают подобное же стремление у низших. Мы не верили бы так в английские учреждения, если бы политические сведения были более распространены среди нас и восходили бы к более раннему времени. По политическим убеждениям французская нация делится на людей или слишком молодых, или слишком старых. Тот и другой возраст во многом сходятся между собою, особенно же в том, что оба руководятся в своих поступках примером. Молодые стараются подражать, а старые умеют только повторять; первые рабски перенимают чужое, а вторые неизменно верны собственным привычкам. Из этих пределов их изобретательность не выходит.

Нечего поэтому удивляться, что французская нация, едва стала прозревать, повернулась в сторону у Англии и хочет взять ее конституцию за образец. Желательно, чтобы какой-нибудь дельный писатель разъяснил нам следующие два вопроса: хороша ли английская конституция сама по себе? Если даже она хороша, подходит ли она Франции?

Очень опасаясь, что это образцовое, столь хваленое произведение политической мудрости не выдержит беспристрастной критики, основанной на принципах истинного социального порядка. Думаю, что английская конституция является более результатом случая и обстоятельств, чем научных построений. Верхняя палата явно носит на себе отпечаток эпохи революции и служит памятником средневековых предрассудков.

Обратите внимание на то, как неудовлетворительно в Англии, по признанию самих англичан, национальное представительство во всех его частях. А ведь без хорошего представительства не может быть хорошего законодательства. На здравых ли принципах основана мысль

о разделении законодательной власти между тремя институтами, из которых только один уполномочен говорить от имени народа? Если ни лорды, ни король не являются представителями нации, то их значение в законодательстве - нуль, потому что только сам народ может желать для себя и, следовательно, только он может создавать себе законы. Элементы, входящие в законодательное учреждение, вправе принимать решения от имени населения лишь постольку, поскольку они владеют его полномочием. Где же тут полномочие, когда нет свободного и общего избрания?

Я не отрицаю, что английская конституция является удивительным произведением для того времени, когда она была создана. Однако, хотя француз, не преклоняющийся пред нею, рискует быть осмеянным, я осмеливаюсь сказать, что вижу в ней не наипростейшую систему хорошего государственного порядка, а фантастическую постройку, составленную из предохранительных мер против беспорядка. Правительственная власть в Англии служила предметом беспрестанной борьбы между министерством и аристократическими членами оппозиций. Нация и король являются в этой борьбе почти простыми зрителями. Политика короля почти всегда состоит в том, чтобы стать на сторону более сильных. Народ равно страшится и той, и другой партии. Для его благополучия важно, чтобы борьба продолжалась; поэтому он поддерживает более слабую партию, спасая ее от окончательного уничтожения. Но предположим, что народ, вместо того чтобы спокойно смотреть на то, как власть служит призом в борьбе гладиаторов, захотел сам заняться своими делами через представителей. Тогда все то серьезное значение, которое теперь придают равновесию властей, исчезло бы вместе с системою, которая одна делает необходимым это равновесие. Неправильно было бы остановиться на британской конституции только потому, что она продержалась уже сто лет и, по-видимому, будет еще существовать немало столетий. Всем человеческим установлениям свойственно оставаться неизменными в течение долгого времени совершенно независимо от того, дурны ли они или хороши. Разве деспотизм не держится до сих пор и не кажется вечным на большей части земного шара?

Самый лучший способ доказательства - обращение к фактам. Сравнивая английский народ с его соседями на континенте, необходимо признать, что он владеет чем-то лучшим. И действительно, у англичан есть конституция, хоть и несовершенная, между тем как у нас ничего нет. Разница огромная, и нет ничего удивительного в том, что ее последствия бросаются в глаза. Но безусловно ошибочно приписывать одной британской конституции все, что есть хорошего в Англии. Там функционирует закон лучший, чем сама конституция. Я

подразумеваю суд присяжных - истинную гарантию свободы личности в Англии. Только суд присяжных может обеспечить свободу народам, жаждущим ее. Это единственный способ отправления правосудия, защищающий от злоупотреблений судебной властью, столь частых и столь ужасных в странах, где обвиняемые судятся не равными себе. При наличии такого суда свободе гражданина могут угрожать только незаконные распоряжения администрации; для защиты от последних нужна или хорошая конституция - у англичан ее нет - или же такие условия, чтобы глава исполнительной власти не имел возможности поддерживать открытою силою свои произвольные распоряжения. Такие условия существуют только в Англии. Она одна может обходиться без сухопутной армии, страшной для народа. Поэтому Англия - единственная страна, которая может быть свободною без хорошей конституции. Этого соображения достаточно, чтобы отбить у нас охоту обезьянничать и побудить нас лучше сообразоваться с собственными нуждами и фактическими условиями.

Конституция, которой мы не перестаем завидовать, хороша не потому, что она английская, а потому, что при существенных недостатках она включает и много достоинств. Если мы захотим насадить ее во Франции, то я не сомневаюсь, что недостатки ее легко привьются, потому что они будут полезны той власти, от которой одной мы можем ожидать сопротивления. Но сохранятся ли у нас достоинства британской конституции? В этом позволительно сомневаться, потому что мы встретим власть, заинтересованную в том, чтобы помешать нам осуществлять наши желания. Почему же мы так завидуем английской конституции? Потому что она, по-видимому, приближается к здоровым социальным принципам. Она служит примером хорошего и прекрасного при сравнении социальных систем. Но идеал общественного благоустройства у нас теперь более правильный, чем был у англичан в 1688 г. Если же мы владеем истинным образцом хорошего, то зачем нам заниматься подражанием копии? Возвысимся сразу до самолюбивого желания стать самим образцом для других народов.

Ни один народ, говорят, не устроил своей общественной жизни так хорошо, как англичане. Если бы и так, то из этого следовало бы только, что политическое искусство в конце XVIII века не должно стоять ниже конца XVII века. Англичане XVII столетия были на высоте эпохи, не отстанем же и мы от своего времени. Так должны подражать люди, желающие быть достойными своих образцов. Не будем падать духом оттого, что в истории нет готового образца для нас. Настоящая наука об обществе зародилась недавно. Люди строили в течение долгого времени хижину, прежде чем научились воздвигать дворцы. Социальная же архитектура, по достаточно серьезным причинам,

должна была прогрессировать еще медленнее, чем множество других искусств, отлично уживавшихся с деспотизмом.

V. Что следовало сделать?

«Нет лучших воспитательных средств, как простые и естественные приемы воспитания. Чем больше времени человек теряет на бесполезные опыты, тем более его страшит мысль начать сначала, как будто не выгоднее всегда еще раз начать сначала и дойти до конца, чем отдать себя на произвол событий и искусственных средств, с которыми беспрестанно придется начинать и ни разу не продвинуться вперед».

У каждой свободной нации - а каждая нация должна быть свободна, - есть только один способ разрешить споры, поднимающиеся по поводу конституции: надо обратиться не к знатым, а к самой нации. Если у нас нет конституции, то нам нужно создать ее; и только нация имеет право на нее. Если же у нас есть конституция, как утверждают некоторые, и согласно ей, народное собрание должно быть разделено на отдельные депутации трех сословий, то следует, по крайней мере, сознаться, что притязания одного из сословий до того велики, что приходится пересмотреть конституцию. Кому же принадлежит право решать подобные споры?

Настоящий вопрос может показаться праздным только тем, которые не допускают честных и естественных приемов в общественной жизни, а признают лишь искусственные средства, большею частью бесчестные и более или менее запутанные, создающие репутацию так называемым государственным людям или великим политикам. Что касается нас, то мы не намерены выходить за пределы нравственности; мораль должна управлять отношениями людей друг к другу и их поступками при отстаивании личного интереса и общественного блага. Мораль, и только она одна, должна быть нам указанием, что следовало сделать. Нужно всегда исходить из простых принципов; они могущественнее самых гениальных усилий.

Чтобы понять социальный механизм, нужно анализировать общество, как разбирают обыкновенную машину: сначала рассмотреть каждую часть в отдельности, затем соединить все части (конечно, мысленно) одну за другой, чтобы понять их связь и уразуметь общую гармонию. Мы не займемся здесь таким детальным разбором; но так как ясность мыслей везде обязательна и достижима только при ясных основных положениях, то я попрошу читателя обратить внимание на следующее: в истории образования политических обществ различаются три периода.

В первом периоде большее или меньшее число отдельных лиц, индивидуумов, желают объединиться в союз. Этим самым они образуют нацию и имеют все права нации - им остается только осуществлять их. Этот период характеризуется проявлением индивидуальных волей, которые имеют своим последствием образование общественного союза. Они - начало всякой власти.

Второй период характеризуется общей волей. Члены союза, желая придать ему прочность, устанавливают между собою, какие нужды признать общественными и какими средствами удовлетворять их. Очевидно, что здесь власть принадлежит обществу как совокупности индивидуальных личностей; но каждая личность, взятая сама по себе, не имеет никакой власти в общественном деле. Ее власть проявляется только, когда она действует сообща с другими. У союза должна быть одна общая воля; без единства воли общество не может образовать сознательного и работоспособного целого.

Перенесемся теперь мысленно в другую эпоху, через значительный промежуток времени после второго периода. Члены союза стали слишком многочисленны и занимают слишком большую земельную площадь, чтобы самим осуществлять общую волю. Что же они делают? Они выделяют из общей воли все, что касается выполнения общественных надобностей и надзора за их выполнением, и доверяют осуществление этой части национальной воли, а следовательно, и национальной власти, некоторым лицам из своей среды. Таково происхождение правительства, существующего по полномочию. Обращаю внимание на следующие неоспоримые истины:

1) Общество не может отказаться от права проявлять свою волю. Это его неотъемлемая собственность. Оно только может поручить кому-нибудь осуществление ее.

2) Собранию выборных не принадлежит полностью выполнение всей национальной воли. Общество доверяет ему из своей власти только ту часть, которая нужна для соблюдения хорошего порядка, и ничего сверх того.

3) Собрание выборных не вправе само изменить пределы доверенной ему власти. Подобное право уполномоченных противоречило бы самой сущности понятия уполномоченных.

Я различаю третий период от второго по тому признаку, что в нем общая воля действует не непосредственно, а через представительство, которому свойственны две характерные черты. Во-первых, власть уполномоченных не безгранична, составляя лишь долю общей власти нации; и во-вторых, уполномоченные осуществляют эту власть не по собственному праву, а по чужому праву, по праву общества, доверившего им свою власть.

Оставляя в стороне целый ряд следствий, к которому, естественно, должен привести изложенный взгляд на историю образования правительственной власти, я перехожу непосредственно к своей цели, т. е. к разъяснению того, что следует понимать под политической конституцией государства, и каковы должны быть ее отношения к самой нации.

Создавая учреждение для какой-нибудь цели, необходимо дать ему организацию, указать формы и законы, согласно которым оно должно выполнять функции, которые хотят ему поручить. Это и есть так называемая конституция данного учреждения. Без нее оно существовать не может. Ясно, что никакое правительство по полномочию не может иметь своей конституции; и то, что верно по отношению к правительству вообще, верно также по отношению ко всем частям, его составляющим. Таким образом, представительное собрание, которому доверена законодательная власть или осуществление общей воли, при самом своем рождении получает определенные формы, которые народу угодно было ему придать. Оно - ничто без своих конституционных форм; оно действует и направляется в своей деятельности исключительно через них.

Одной организации правительственных учреждений недостаточно для их закономерного существования и работы. Нация еще заинтересована в том, чтобы доверенная общественная власть не могла стать вредною для самих доверителей. Отсюда множество политических предосторожностей, присоединяемых к конституции, которые также становятся руководящими правилами для правительства; без них пользование властью было бы незаконно. Существует двойная необходимость подчинить деятельность правительства известным формам: они должны гарантировать пригодность правительства для той цели, для которой оно установлено, и в то же время не давать ему власть уклоняться от своих обязанностей.

Пусть объяснит, кто умеет, на каком основании, в каких видах может получить конституцию сама нация. Нация существует прежде всего и есть начало всего. Ее воля всегда законна, она - сам закон. Раньше нее и выше нее - только естественное право. Если мы захотим составить себе верное представление о ряде положительных законов, исходящих от воли народов, то прежде всего должны отметить законы конституционные. Они делятся на две части: на правила, определяющие организацию и деятельность учреждения с законодательною властью, и такие же правила для учреждения с исполнительною властью. Эти законы называются основными не в том смысле, что они будто бы независимы от воли нации, но потому, что

учреждения, существующие и действующие благодаря им, не вправе их изменять. В той и другой части конституция не есть создание власти уполномоченной, но уполномочивающей. Ни одна выборная власть не может ничего изменять в условиях ее избрания. В этом смысле конституционные законы носят название основных. Те из основных законов, которые регулируют законодательство, основаны на воле нации раньше всякой конституции; они образуют скелет конституции. Вторая часть основных законов, определяющая формы исполнительной власти, устанавливается специально для этой цели уполномоченным представительным собранием. Таким образом, все части правительства находятся в соответствии одна с другой и все одинаково зависят в последней инстанции от нации. Изложенный здесь взгляд на сущность правительственной власти, несмотря на краткость изложения, вполне точен.

Мы видели, что конституция зарождается во втором периоде. Было бы смешно предполагать, что сама нация связана какими-то формальностями или тою самою конституциею, которой она подчиняет своих уполномоченных. Нация не нуждается ни в каком праве, чтобы образоваться, она создается в силу естественного права. Правительство, наоборот, является результатом положительного права. Уже в первый период нация владеет всеми своими правами; во второй период она их осуществляет сама; в третий - через представителей в той мере, как это нужно для сохранения ее целостности и соблюдения законного порядка.

Правительство может пользоваться своею властью лишь постольку, поскольку оно конституционно; оно законно лишь до тех пор, пока соблюдает постановления, в силу которых оно получило власть. Воля нации, напротив того, законна, благодаря уже одному своему существованию; она сама источник всякой законности. Нация не может и не должна быть ограничена в своих желаниях конституцией. Она не может быть ограничена, потому что нет такой предшествующей власти, которая бы заявила группе людей: «Я вас соединяю под такими-то законами; вы образуете нацию на условиях, которые я вам указываю». Мы не говорим о разбойничьем захвате или насильственном порабощении; здесь идет речь только о законном обществе, т.е. добровольном и свободном.

Народ не должен позволять опутать себя никакими обязательствами по отношению к кому бы то ни было, потому что это значило бы потерять свою свободу навсегда. Тирании достаточно было бы тогда одного момента успеха, чтобы связать население обязательством никогда не пытаться сбросить с себя цепи деспотизма. Нации подобны отдельным личностям, не вступившим еще в

общественный союз, находящимся, так сказать, в естественном состоянии. Проявление их воли свободно и независимо от всяких гражданских форм. В чем бы ни заключалась воля народная, - достаточно того, что народ этого желает, чтобы его желание стало законом. Всякие формы тогда хороши, ибо его воля есть высший закон. Как для образования законного общества мы предполагаем у отдельных личностей, находящихся в естественно свободном состоянии, власть образовать союз, точно так же необходимо признать подобную власть за общею волею, равно свободной по природе.

Приведу еще одно серьезное доказательство правильности моего взгляда, что народ не может быть ограничен в своей власти конституционными формами. Представьте себе, что между отдельными частями или отдельными учреждениями, составляющими конституцию данного народа, возникает разногласие. Что стало бы с нацией, если бы она принуждена была поступать согласно раздвоившейся или оспариваемой конституции? Ведь все признают, что в благоустроенном государстве необходима авторитетная судебная власть для скорого и окончательного решения возникающих у населения гражданских споров; равно необходима законодательная власть для решения разногласий между отдельными частями исполнительной власти. Но если сами законодательные учреждения, если отдельные части конституции не согласны между собой, кто же будет у них верховным судьей? А судья необходим, ибо в противном случае на место порядка станет анархия.

Каждая часть законодательного учреждения в отдельности бессильна. Власть принадлежит только всем в совокупности. Раз одна часть протестует, не существует уже целого и законодательство перестает функционировать****. В таких случаях остается апеллировать к нации. После этих разъяснений мы можем решить спор, возгоревшийся между отдельными частями французской конституции. Решающий голос должен, очевидно, принадлежать нации. Обыкновенные народные представители призваны осуществлять в границах конституции волю нации во всем, что касается поддержания хорошего государственного правления, и их деятельность ограничена обыкновенными государственными нуждами. Но народ может избрать специальных представителей и вручить им власть, какую ему будет угодно. Собрание этих специальных уполномоченных заменяет собою всю нацию в тех случаях, когда ей нужно самой высказаться. Нет нужды вручать новому учреждению всю полноту народной власти. Оно получает специальную власть в указанных редких случаях, но оно представляет нацию в том смысле, что оно также не должно считаться ни с какими конституционными

условиями. При созыве специального учредительного собрания не приходится принимать столько мер предосторожности против злоупотребления властью, так как уполномоченные отряжены только на известное время и с определенной целью. Заменяя собою нацию, они совершенно независимы в своих постановлениях по доверенному им поручению, и их воля становится законом, как воля самой нации. В этом заключается отличие учредительного собрания от обыкновенного законодательного учреждения, связанного в своей деятельности конституционными нормами. Народ волен передать свое специальное получение кому ему угодно, следовательно, и обыкновенным депутатам. В таком случае полномочия одних и тех же лиц различны, когда они заседают в законодательном учреждении и в специальном собрании.

Пора вернуться к заглавию настоящей главы: что следовало сделать среди сумятицы и споров по поводу созыва ближайших Генеральных штатов? Созвать дворян? Нет. Дать делам идти, как они идут, на гибель народу? Нет. Политиканствовать с обеими партиями вынуждая уступки то с одной, то с другой стороны? Нет. Следовало прибегнуть к великому средству, к созыву специального народного представительства; надо было спросить мнения нации. Тут возникают два вопроса - где ее найти, эту нацию, и чье дело вопрошать ее.

Где найти нацию? Там, где она находится — в сорока тысячах приходо-вых, заключающих всю территорию, всех жителей и всех плательщиков податей - вот где нация. Для удобства можно было бы всю территорию разбить на участки, например, 20-30 приходо-вых могли бы образовать избирательный округ для выбора первостепенных депутатов, выборщиков. Таким же путем округа соединились бы в провинции, которые определили бы уже настоящих специальных депутатов с полномочием решить вопрос о конституции Генеральных штатов.

Это было бы слишком медленно, скажете вы. Право, не медленнее, чем целый ряд спасительных мероприятий, которые только запутали положение. Впрочем, когда речь идет о принятии должных мер для достижения цели, не торгуются о времени. Если бы хотели с самого начала поставить дело на правильное основание, то в полгода сделано было бы для нации более того, чего мог бы достигнуть в столетия прогресс просвещения и общественного мнения.

Но если бы учредительное собрание, возразят мне, было составлено из депутатов, избранных всенародным голосованием по большинству голосов, то что стало бы с делением на сословия, что стало бы с привилегиями? Стало бы то, что должно стать. Раз изложенные мною положения верны, то следует придерживаться их

или отказаться от всякого социального порядка. Нация всегда вольна создавать себе конституцию, а следовательно, и изменять ее. Генеральные штаты, если они будут созданы, как учреждение конституционное не вправе принимать никаких решений о самой конституции. Это право принадлежит только нации, свободной в своих желаниях. Я не устану повторять это.

Привилегированные стараются затемнить мысль народа, бесстрашно поддерживая в настоящее время то, что они отвергли шесть месяцев тому назад: теперь оказывается, что у нас есть конституция прекрасная, заключающая два совершенных пункта, выше всякой критики.

Первый пункт — это деление на сословия; второй — равенство влияния каждого сословия в образовании общей воли нации. Считаю возможным остановиться только на втором пункте, чтобы доказать, что идея о предоставлении всем сословиям равного влияния на ход общественных дел — самая абсурдная, какую только можно себе предоставить, и что ни один народ не может включить такого пункта в свою конституцию. Государство как политическое общество, есть не что иное, как собрание соучастников союза. Нация не может принять решения перестать быть нацией или быть ею только в известных условиях. Точно так же нация не может постановить, что ее общая воля перестает быть общей волей, следовательно, не может устроить так, чтобы права, принадлежащие общей воле, т. е. большинству, перешли к меньшинству. Общая воля не может изменить естества вещей и сделать мнение меньшинства мнением большинства. Следовательно, подобное постановление, если бы оно и состоялось, не было бы ни законным, ни нравственным, а было бы лишь актом безумия.

Что сказать после этого тем, которые отстаивают взгляд, что по французской конституции две трети общей воли принадлежат несколькимстам тысячам человек из 25-26 миллионов? Не значит ли это утверждать, что дважды два - пять?

Если хоть на один момент забыть ту очевиднейшую истину, что общая воля есть мнение большинства, а не меньшинства, то бесполезны всякие рассуждения. С одинаковым правом можно утверждать, что мнение одного пересиливает мнение большинства, и, следовательно, не нужны ни Генеральные штаты, ни общенародные решения, ничего прочего. Если одна воля перевешивает десять или двадцать волей, то почему ей не перевесить сто, тысячу, миллион, 25 миллионов?

Все рассуждения согласно приводят к двум заключениям: 1) только специально избранное учредительное собрание вправе

заниматься пересмотром конституции или составлением ее, и 2) такое учредительное собрание должно быть образовано вне всяких сословных подразделений.

Кому принадлежит право вопрошать нацию? Если бы у нас существовало конституционное законодательство, то каждая часть законодательного учреждения имела бы это право на том основании, что каждая спорящая сторона всегда может обратиться к судье, каковым в данном случае является народ. Но вот уже почти два столетия, как у нас нет представителей, если даже предположить, что они когда-то были. Кто же их заместит пред народом, кто предупредит народ о необходимости избрать специальных представителей? Ответ на этот вопрос может затруднять лишь тех, которые придают слову «созвание» какое-то неясное значение под влиянием английских идей. В этом слове вовсе не заключается понятия о королевской прерогативе; оно означает только уведомление о наступившей государственной потребности и назначении rendez-vous всем членам общества. Позволительно ли в критическую для отечества минуту тратить время на разыскание того, кто имеет право созывать народ? Скорее, надо было бы спросить: кто не имеет этого права. Это священный долг каждого, кто хоть чем-нибудь может содействовать удовлетворению настоятельной нужды нации. Удобнее всего это сделать исполнительной власти, обладающей несравненно большими средствами, чем частные люди, для уведомления всех граждан, указания мест собрания и устранения препятствий. Конечно, государь, в качестве первого гражданина государства, более других заинтересован в созвании населения для выбора депутатов. Если король сам не компетентен решать конституционные вопросы, то все же за ним нельзя отрицать права пригласить население решать такие вопросы.

Итак, ответить на вопрос: «что следовало делать?» - очень легко. Следовало созвать население выбора специальных представителей с полного тем, чтобы выработать конституцию обыкновенного национального собрания. Я лично был бы против того, чтобы избранные для специальной цели депутаты были вместе с тем уполномочены образовать, обыкновенное собрание по уставу, ими же для себя заданному и отредактированному. Я опасался бы, что депутаты вместо того, чтобы единодушно работать на общую пользу, могут оказаться в таком случае пристрастными к тому учреждению, в которое они сами призваны войти. Смешение властей делает не возможным введение правильного строя.

Меня могут спросить, почему я так долго останавливался на том, что следовало сделать: ведь прошлого не воротишь. На это я прежде

всего отведу, что знание того, что следовало сделать, может выяснить то, что предстоит делать. Во-вторых, всегда полезно выяснить основные положения, особенно в таком новом для публики вопросе. Наконец, полученные здесь сведения нам пригодятся для следующей главы.

VI. Что остается делать?

Прошло время, когда все три сословия, борясь против деспотизма министров, готовы были объединиться против общего врага. Кажется, ясно, что нация не может извлечь никакой выгоды из современного положения и не может приблизиться ни на один шаг к социальному порядку без того, чтобы и третье сословие не пожало плодов перемены. Однако оба первых сословия государства - духовенство и дворянство - увидели оскорбление для себя в том, что муниципалитеты больших городов потребовали ничтожной доли политических прав, принадлежащих народу. Чего, собственно, хотят эти привилегированные, с такою горячностью отстаивающие свой избыток и с таким упорством мешающие третьему сословию получить самое насущное? Не думают ли они, что возрождение, которого с замиранием и с надеждою ожидает страна, наступит только для них? Или может быть, они хотят воспользоваться вечным страдальцем-народом в качестве слепого орудия для расширения и упрочения прав аристократии? Что скажут будущие поколения, когда узнают, с какою яростью первые два сословия государства набросились на горожан за их ходатайства? Будут ли они верить в мнимые опасности от тайных и явных обществ? С доверием ли отнесутся к ложным тревогам и вероломным проделкам, которыми окружают народных защитников? Ничто не будет забыто в правдивых сказаниях, которые писатели-патриоты оставят потомству. Они расскажут о благородном поведении магнатов Франции в такое время, которое должно было внушить чувство патриотизма даже величайшим эгоистам. Как принцы королевского дома могли позволить себе вмешаться в споры между сословиями? Как они могли поддержать презренных издателей, изрыгающих гнусную и бессмысленную клевету, и рекомендовать королю записку, наполненную невероятною ложью?

Право, забавно смотреть, как наши нотабли стараются выдавать за восстания против королевской власти такие события, которые они в душе считают порожденными деспотизмом и действующими в его пользу. Не признавая третье сословие способным к деятельности и объясняя его смелость тайными интригами министерства, они в то же время не стесняются выставить его в качестве союза крамольников,

восставших против государя. Промеж себя аристократы говорят: Ничто так не опасно для свободы, как язык третьего сословия, который, правду говоря, похож на такую мольбу: «Государь, сделайте с нами, что угодно; но не отдавайте нас на съедение аристократам». Королю же аристократы говорят: «Народ злоумышляет против вашего трона. Остерегайтесь, он хочет низвергнуть монархию».

Говорят о резкости некоторых писателей третьего сословия. Но действительный образ действий третьего сословия ограничивается представлением петиций от городов и части земли. Сравните эти невинные поступки с поведением князей против народа: какая скромность, какая умеренность с одной стороны! Какая наглость и глубокая несправедливость - с другой!

Напрасно третье сословие стало бы ожидать содействия остальных классов населения в восстановлении своих политических и гражданских прав. Опасение, что свобода повлечет за собою отмену злоупотреблений, причинило обоим привилегированным сословиям большое беспокойство. В выборе между свободою и незаконными привилегиями они остановились на последних. Милости, даруемые рабам, стали им дороги. Они теперь боятся тех самых Генеральных штатов, которых они недавно требовали с таким жаром. Теперь им все хорошо; они только жалуются на новаторский дух. Им больше ничего не нужно; страх дал им конституцию.

Присматриваясь к ходу событий и переменам во взглядах, мы не можем не понять, что народ должен полагаться только на собственное умение и собственную предприимчивость. Логика и справедливость на его стороне; ему остается только убедиться в могуществе этих факторов. Нет, не время работать для примирения партий. Какое может быть соглашение между трудолюбием притесненного и яростью притеснителя?

Не время теперь народу оставаться в нерешительности. Нужно или идти вперед, или назад; или уничтожить несправедливые и противообщественные привилегии, или признать их и узаконить. Не бессмыслица ли освятить в конце XVIII столетия гнусные пережитки феодальной эпохи?

Напрасно мы стали бы закрывать глаза на революцию, произведенную временем и силою вещей. Она от этого не перестает быть совершившимся фактом. Некогда третье сословие было рабом, а знатное - всем. Ныне третье сословие - все, а знатное - пустое слово. Но этим названием прикрылась новая аристократия, столь же обременительная, и народ имеет полное основание не признавать аристократов.

Что же в таком положении остается делать третьему сословию, чтобы вступить в свои политические права на благо народу? Третье сословие должно, прежде всего, собраться отдельно; ему нечего работать вместе ни с дворянством, ни с духовенством; ему не нужно голосовать с ними ни по сословиям, ни совместно. Прошу помнить огромную разницу между собранием третьего сословия и собраниями других сословий. Первое представляет 25 миллионов человек и занимается общегосударственными интересами; второе и третье вместе получают полномочия от 200 000 человек и только думают, что о своих привилегиях. Не может же, скажете вы, одно сословие составить *Генеральные штаты*. Тем лучше. Оно составит *Национальное собрание*.

Такой важный совет, конечно, должен быть основан на вполне ясных и достоверных положениях. Я утверждаю, что депутаты духовенства и дворянства не имеют ничего общего с народным представительством; что никакой союз не возможен между тремя сословиями в Генеральных штатах и что не может быть общего голосования ни по сословиям, ни всеми вместе.

Начнем с того, что представителями дворянства являются дворяне же, а не духовные или другие граждане, точно так же и духовные не получают полномочия ни от общин, ни от дворянства. Отсюда следует, что каждое сословие представляет собою отдельную нацию, и так же мало имеет права вмешиваться в дела других сословий, как, например, голландские Генеральные штаты или венецианский Совет - участвовать в совещаниях английского парламента. Как по доверенности можно связать обязательствами только своих доверителей, а не посторонних, так и депутат вправе говорить лишь от имени его избравших.

Следовательно, совершенно бесполезно искать численные отношения, в которых должны находиться между собою представители отдельных сословий в общем едином собрании. Собрание не может быть единым, пока сохраняются отдельные сословия и отдельные представительства. Три собрания могут, конечно, случайно сойтись на одном желании, как три независимых нации могут составить временный союз. Но вы никогда не образуете из них одной нации, одного представительства или одной воли.

Наше государственное здание похоже на постройку с целым лесом подпорок, расположенных без плана и без порядка, с единственной целью - поддерживать отдельные части, ежеминутно угрожающие падением. Или нужно перестроить дом, или решиться жить изо дня в день в тесноте и страхе, что вот-вот дом обрушится и задавит вас.

Если третье сословие, скажете вы, соберется отдельно, чтобы образовать не Генеральные штаты, а Национальное собрание, то оно

будет так же некомпетентно решать за дворян и духовных, как эти последние не вправе решать за народ. Разве вы забыли, что третье сословие говорит от имени всего населения, за исключением только 200 000 человек? Потому палате общин вполне соответствует название Национального собрания. Духовенство может себе отдельно заседать и принять постановление о денежном даре в пользу государства, а дворянство может от себя предложить королю субсидию. Во избежание возможности принятия первыми двумя сословиями таких мер, которые могли бы оказаться в будущем тягостны для третьего сословия, последнее начнет с того, что формально заявит о своем решении не вносить ни одного налога, от которого были бы свободны привилегированные.

В самом деле, депутаты духовенства и дворянства отнюдь не могут считаться представителями нации, и, следовательно, не компетентны решать за нее. Посмотрите, что произойдет, если выборные всех сословий будут ведать общие интересы. Если голосование будет производиться посословно, то 25 миллионов граждан не в состоянии будут провести ни одной полезной меры, потому что это не угодно будет 200000 граждан; значит, воля одного человека перевесит воли больше чем ста человек. Если же все депутаты будут голосовать вместе, то предполагая даже равное число представителей от непривилегированных и привилегированных, последние будут в состоянии парализовать всякую деятельность первых. Не чудовищно ли это, - составить такое собрание, которое принимало бы решения в пользу меньшинства?

Депутаты третьего сословия вправе считать себя истинными представителями всей нации. Каждый депутат третьего сословия представляет собою около 50000 человек, следовательно, все привилегированные вместе взятые не выставят, при равноправном представительстве, больше пяти депутатов. Поэтому достаточно принять, что для всякого постановления необходимо большинство пяти голосов, чтобы сделать излишним присутствие привилегированных в Национальном собрании: ведь им все равно не переменить большинства своими пятью голосами. Такой результат получается, даже если считать, что депутаты первых двух сословий вправе считаться уполномоченными нации наравне с представителями третьего сословия, и что все они будут голосовать против большинства.

Приведенные соображения достаточно вески, чтобы доказать представителям третьего сословия, что их долг объявить себя Национальным собранием, и чтобы оправдать с точки зрения логики и справедливости притязания третьего сословия на название нации и на право говорить и решать от ее имени. Права нации, как бы ясны они

сами по себе ни были, раз они кем-нибудь оспариваются, нуждаются в законном утверждении, которое санкционировало бы их как бы судебным порядком. Будем же поэтому апеллировать к нации, которая является единственным компетентным судьей в вопросах, касающихся конституции.

Третья палата в ближайших Генеральных штатах, конечно, вправе будет обратиться к народу с предложением избрать специальных депутатов. Ее дело, - прежде всего объявить гражданам, что конституция Франции не годна. Она будет громко жаловаться, что Генеральные штаты - плохо организованное учреждение, неспособное исполнять общегосударственные задачи. Она докажет, что необходимо созвать учредительное собрание для выработки конституционных норм постоянного законодательного учреждения. До того времени третья палата не будет пользоваться своею властью; она не постановит ни одного окончательного решения, но будет только заниматься разработкою вопросов. Она будет ждать, чтобы народ решил великий спор, разделяющий три сословия. Такой образ действия я считаю наиболее откровенным, наиболее великодушным, следовательно, и наиболее соответствующим достоинству третьего сословия.

Созыв учредительного собрания в настоящее время - единственное средство умиротворить страну. Даже если бы нечего было опасаться беспорядков, то мы точно так же настаивали бы на этой мере. Мы хотим, наконец, знать свои права и осуществлять их. Это нам тем более необходимо, что политические права - единственная гарантия прав гражданских и личной свободы.

Я закончил бы здесь свою статью, но я считаю себя обязанным высказать предварительно несколько мыслей о составе Национального собрания. Я буду говорить исключительно о личном составе депутатского собрания.

В чем заключается назначение национального представительного собрания? В том, чтобы замещать собою нацию и поступать так же, как поступала бы нация, если бы могла вся собраться в одном месте и обсуждать свои дела. Ясно, что предметом занятий такого собрания может быть только общая безопасность, общая свобода и общественные дела. У каждого лица в отдельности, конечно, есть свои частные интересы. Свое отношение к государству каждый гражданин выражает так: «Под защитою порядков, обеспечивающих общую безопасность, я могу спокойно заниматься своими личными делами и искать счастья, как я его представляю себе».

Но можно ли себе представить, чтобы в собрании народных представителей находились такие члены, которые имели бы наглость обратиться к собранию с подобною речью: «Вы собрались здесь не для

обсуждения общих дел, а для удовлетворения моих частных нужд и нужд небольшого кружка, образованного мною и еще несколькими членами из вашей среды»? Ведь депутаты для того только и собрались, чтобы заниматься общими интересами; их деятельность не в общих интересах есть злоупотребление властью.

Посмотрим теперь, как мнения и желания отдельных депутатов складываются в общую волю, преследующую исключительно общественный интерес. Возьмем сначала самый благоприятный случай. Допустим, что дух общественности так силен среди депутатов, что их деятельность направлена только на общую пользу. Такие чудеса редко случаются в истории и непродолжительны. Плохо знает людей тот, кто строит социальное благополучие на добродетели. Политический механизм должен быть так устроен, чтобы даже в периоды падения общественной нравственности, когда эгоизм овладевает думами людей, частные интересы не находили поддержки в законодательном учреждении и желания большинства соответствовали общей пользе.

Человеческие интересы могут быть разделены на три рода: 1) интересы, ради которых люди собираются в нацию, или истинные общественные интересы; 2) такие, ради которых люди соединяются в небольшие группы, или сословные интересы, и 3) такие, ради которых каждый человек обособляется, думая только о себе, или личные интересы. В национальном собрании, созываемом ради общественных интересов, никакие другие не должны проявляться. Личные интересы, действительно, стусеваются, но групповые, благодаря лигам, синдикатам, союзам составляют большую опасность для общего дела, выражаясь в эгоистических, партийных, противообщественных проектах и агитациях в собрании. Из таких групп сильнейшие и опаснейшие для государства - сословия. История полна подобными примерами. Отсюда необходимость создать для национального законодательного собрания такой устав или такую конституцию, чтобы оно не выродилось в сословное или аристократическое учреждение. Для этой цели в основные законы, о которых было сказано выше, включаются пункты о ежегодном возобновлении одной трети членов собрания, о лишении выбывшего депутата права быть вновь избранным раньше определенного времени, дабы дать всем возможность участвовать в заведывании общим делом и не превратить его в монополию одних, и т. п.

Какой после этого смысл с самого начала вводить в национальное собрание такие сильные и организованные группы, как сословия? Не значит ли это делать все наыворот и предать народное дело? Чтобы обречь общество на окончательную гибель, остается только придать сословным группам, входящим в национальное собрание,

преобладающее в нем значение. Наоборот, так как назначение представительного собрания - заниматься лишь потребностями, общими для всех граждан, то право быть представленным в собрании принадлежит каждому человеку лишь постольку, поскольку у него есть общие желания, т.е. такие, которые разделяет все население. Частные особенности каждого лица, принадлежащие ему в отличие от других, например, дарование, богатство, рост, возраст, пол и пр. не могут быть представлены в общем собрании. Конечно, и частные интересы находят защиту в законе; но закон не создает их, не раздает привилегий одним в ущерб другим. Он только охраняет существующее до тех пор, пока оно не начинает вредить общему интересу.

Я представляю себе закон в центре большого шара, на окружности которого расположены все граждане, занимая равные места. Закон одинаково оберегает всех; все одинаково зависят от него и находят в нем защиту для своей свободы и собственности. Граждане свободно вступают в сношения между собою; но как только кто-нибудь пытается подчинить себе своего соседа или присвоить себе его имущество, общий закон останавливает посягательство, вновь перемещая каждого на одинаковое от себя расстояние. Но закон не мешает каждому, поскольку он не нарушает общих интересов, следовать своим естественным или приобретенным наклонностям, увеличивать свое состояние трудом, искусством или благоприятной случайностью и достигнуть по-своему величайшего счастья.

Как мы видели, правом представительства пользуются лишь те интересы каждого гражданина, которые у него общи с другими. Но пользование исключительными правами не только не обще всем, но прямо противоположно интересам громадного большинства, и потому привилегии не должны быть представлены в народном собрании. Привилегированные могли бы посылать своих депутатов в национальное собрание только в качестве граждан; но у них существенный признак гражданства - общность интересов со всей нацией - уничтожен привилегиями, делающими их врагами общества. Поэтому члены высших сословий, дорожа своими изъятиями из общего закона и преимуществами и отстаивая их, сами отказываются от состояния гражданства и, следовательно, от прав гражданства, и должны быть лишены выборного права, как активного, так и пассивного.

Я знаю, что последний вывод покажется странным большинству читателей. Истина всегда кажется странною предрассудкам, как предрассудки - истине. Все относительно. Были бы мои основные положения верны, и выводы строго логичны, - и с меня довольно. Во всяком случае, - возразят мне, - эти предложения абсолютно

невыполнимы в настоящее время. Я и не берусь проводить их в жизнь. Моя роль как писателя - показать истину. Пусть другие приблизятся к ней более или менее, соответственно своим силам и обстоятельствам. Если бы все думали правильно, то величайшие реформы осуществлялись бы с необыкновенной легкостью немедленно после того, как их польза была бы доказана. Все, что я могу сделать - это содействовать всеми силами распространению истины. Новую мысль сначала встречают враждебно; но потом понемногу умы привыкают к ней, кончается же тем, что она проводится в жизнь чуть ли не теми самими, которые считали ее безумной фантазией. Если бы писатели не хотели казаться безумными, то много предрассудков жило бы поныне и мир был бы гораздо глупее, чем он есть на самом деле.

Умеренные всегда желают, чтобы движение к истине происходило с расстановкою, шаг за шагом. Я вижу в этом недоразумение. Они смешивают путь администратора с путем мыслителя. Первый продвигается вперед со скоростью, допускаемой обстоятельствами. Если он только не сбивается с пути, он уже хорошо делает свое дело. Совсем не то с философом. Он должен проделать свой путь до конечного пункта; иначе он не может быть уверен, что избранный им путь - надлежащий. Прием умалчиваний, всяких хитростей и двусмысленностей, который принято выдавать за результат опытности и осторожности, - чистейшая несообразность в делах общественных, связанных тысячами нитей с ясными реальными интересами. Настоящее средство для успеха - не скрывать от противника того, что он знает не хуже нас, а убедить большинство граждан в правоте их дела. Многие почему-то думают, что большая истина доступна людям, когда она преподносится им частями, как бы продается в розницу. Наоборот, чаще всего нужны бывают для усвоения истины хорошие встряски; нужен весь блеск сияющей истины, чтобы произвести на людей сильное впечатление; ибо только такое впечатление порождает страстное стремление к тому, что признано истинным, прекрасным и полезным.

Нужно иметь совершенно превратное мнение о распространении просвещения, чтобы воображать, что весь народ должен оставаться в неведении своих собственных интересов, и что наиболее полезные истины должны храниться под замком у нескольких лиц, которые выпускают их по мере надобности или по мере того, как они нужны администрации. Такой взгляд ложен как по невыполнимости, так и потому, что истина усваивается толпою чрезвычайно медленно. Ей нужно время, чтобы созреть в головах у слушателей. Молодежь, обыкновенно, воспринимает ее быстро, зрелые люди - медленнее, а старики часто представляют бесплодную почву для посева. Делать

истины доступными публике лишь по мере надобности не равносильно ли отсрочке посева?

Истина несовместима с таинственностью; она действует открыто и широко. Ее влияние действительно только тогда, когда оно проявляется в большой массе. Лишь путем широкого распространения истины создается могущественное общественное мнение, причина большинства серьезных и полезных реформ. Будьте осторожны, - говорят мне, - умы не подготовлены к восприятию ваших мыслей; вы их шокируете. На это я отвечу вот что. Самая полезная истина не та, которая кажется людям ближе всего, а та, которая наиболее чужда их кругу мыслей. Чем больше предрассудков раздражает новая истина, чем больше частных интересов она затрагивает, тем она дороже и тем нужнее ее распространение. Труднее всего искоренить предрассудок, который кажется человеку вполне логичным и здравым; опаснее всего такой личный интерес, который поддерживается добросовестным убеждением человека в своей правоте. Освещением и разъяснением истины можно лишить предрассудок и личный интерес силы искренности и убежденности.

Возвращаясь к вопросу о народном представительстве, я теоретически нахожу неправильным следующий компромисс, предложенный многими. Соглашаясь, что привилегированные не вправе занимать нацию своими привилегиями и приносить в общее собрание свои личные интересы, они говорят, что и члены высших сословий в качестве граждан сохраняют политическое право представительства, участвуя в выборах наравне с прочим населением. Я уже сказал, что пока высшие сословия пользуются преимуществами, их интересы враждебны общим интересам, и потому они должны быть лишены права отстаивать свои интересы в национальном собрании. Их добрая воля входить или не входить в число равноправных граждан: они всегда могут отказаться от своих привилегий.

Какое место должны занять оба привилегированных сословия в социальном строе? По-моему, предложить такой вопрос - все равно что спросить больного, в какой части тела ему желательно иметь злокачественную язву? Где бы она ни была, она только способна подтачивать его силы и погубить. Необходимо устранить ее окончательно и восстановлением здоровья и нормальной деятельности всех органов предупредить возможность болезненных явлений.

Примечания

* Полицейская и судебная власть на дворянских землях принадлежала частным лицам.

** Во Франции было издано постановление, по которому судебные должности стали доступны только членам тех семейств, которые их раньше занимали.

*** Последний год, в который были созданы Генеральные штаты. Они не созывались с 1614 г. в течение 175 лет.

**** В Англии принято говорить, что палата общин представляет нацию. Это неточно. Если бы общины выражали волю всей нации, они одни образовывали бы законодательное учреждение. Так как, по конституции, палата является лишь одною из трех частей, облеченных законодательною властью, то и король, и лорды также должны быть рассматриваемы как представители нации. (Прим. авт.)

Тематически связанные материалы:

М.Алпатов. Политические идеи буржуазной историографии XIX в.

(О.Тьерри, Ф.Гизо, Ж.Мишле, А.Токвиль, И.Тэн и др.)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hist_alptv.pdf

Е.Кожокин. Французская буржуазия на исходе Старого порядка

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/kozhokin.pdf>

"Круглый стол": Французская революция XVIII в. и буржуазия

http://enlightment2005.narod.ru/arc/m_2001.pdf

А.Ревякин. Французская революция и буржуазия (скоро в библиотеке)

Е.Лебедева. Дворянство и налоговые привилегии накануне революции

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/lebedeva1.pdf>

Е.Лебедева. Собрания нотаблей кануна Великой французской революции и эволюция политических позиций дворянства

http://vive-liberta.narod.ru/journal/lebedeva_fe-85.pdf

И.Берго. Парламентская оппозиция абсолютизму и попытки реформ в 1749—1776 года

http://enlightment2005.narod.ru/papers/bergo_parlm2.pdf

И.Берго. Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой французской революции

http://enlightment2005.narod.ru/papers/bergo_parlm.pdf

Т.Богданович. Аристократия и народ накануне Французской революции 1789 г.

http://enlightment2005.narod.ru/papers/bogd_arist.htm

Е.Кожокин. История бедного капитализма. Франция XVIII - перв.пол. XIX в.

<http://narod.ru/disk/20002006000/kozhokin.pdf.html>